

УДК 159.923

ПОНЯТИЕ ЛИЧНОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТНОМ И КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ПОДХОДАХ

Кравцов Геннадий Григорьевич

Фонд им. Л.С. Выготского,

доктор психологических наук, профессор,

Москва, Россия

e-mail: ekravcva@rambler.ru

Аннотация. Центральная для психологии проблема личности поднимает много нерешенных теоретико-методологических вопросов. Это вопросы и выработки верного определения понятия личности, и соотношения общепсихологической теории с теорией личности, и решения фундаментальных психологических проблем в деятельностном и культурно-историческом подходах, поскольку эти подходы являются исключительно значимыми для всей отечественной психологической науки. Поэтому в представленном в статье анализе рассматриваются такие ключевые вопросы, как проблема сознания и ее постановки в упомянутых подходах, проблема изучения развития как саморазвития, решение проблемы соотношения смысла и значения в деятельностном и культурно-историческом подходах, трактовка воли и ее места и значения в теории личности, неизбежный научный редукционизм и недопустимый для науки ущербный редукционизм и др. В заключение автор предлагает свое видение путей сохранения категории предметной деятельности в психологии, а также достижений и открытий, сделанных в тех исследованиях, которые были выполнены в русле деятельностного подхода.

Ключевые слова: личность, сознание, развитие, смысл, значение, деятельность, мотив, потребность, воля, произвольность, объяснительный принцип, неклассическая психология, свободная индивидуальность, каузальный детерминизм, редукционизм.

THE DEFINITION OF THE CONCEPT OF PERSONALITY IN ACTIVITY AND CULTURAL-HISTORICAL APPROACHES

Kravtsov Gennady Grigorievich

The Vygotsky L.S. Foundation,

Sc. D. (psychology), professor,

Moscow, Russia

e-mail: ekravcva@rambler.ru

Abstract. Being the central in psychology, the problem of personality raises many unsolved theoretical and methodological issues. These include the development of a correct definition of the concept of personality, the relationship between general psychology theory and personality theory, the solution of fundamental psychological problems of the activity approach and of cultural-historical approach, since these approaches are extremely important for the entire national psychological science. Therefore, in the analysis presented in the article, we consider such key issues as the problem of consciousness and its formulation in the mentioned approaches, the problem of studying development as self-development, solving the problem of the relationship between meaning and sense in activity and cultural-historical approaches, interpreting the will, its place and significance in personality theory, inevitable scientific reductionism and inadmissible for science flawed reductionism, etc. In conclusion, the author offers his vision of ways to preserve the category of objective activity in psychology, as well as achievements and discoveries made in those studies that were carried out in line with activity approach.

Key words: personality, consciousness, development, meaning, sense, activity, motive, need, will, arbitrariness, explanatory principle, non-classical psychology, free individuality, causal determinism, reductionism.

В современной психологии весьма распространенным является мнение, согласно которому культурно-историческую концепцию Л.С. Выготского никак нельзя отнести к психологии личности. В обоснование этой точки зрения указывается, что автора этой концепции интересовали преимущественно проблемные области общей психологии – сознание, мышление и речь, высшие психические функции, знак и значение, опосредствование и др. Думается, что это явно ошибочное мнение. В этой связи достаточно напомнить, что Л.С. Выготский неоднократно характеризовал проблему личности как центральную для психологической науки. Естественно, он не мог оставить эту проблему за рамками своих исследовательских интересов. Более того, есть основания утверждать, что вся культурно-историческая психология Л.С. Выготского это и есть подлинная психология личности. Однако для

аргументации этого утверждения нужен критический анализ как содержания понятия личности, так и соотношения общей психологии с психологией личности, а также взглядов Л.С. Выготского на это проблемное поле. Положение дел, при этом, осложняется тем обстоятельством, что в отечественной психологии вот уже на протяжении десятилетий активно проповедуется миф о единой научной школе Выготского-Лурия-Леонтьева. На самом деле такой единой школы нет, несмотря на то что упомянутые классики психологии вместе работали, сотрудничали и тесно общались между собой. Однако только Л.С. Выготский был единственным из этой «большой тройки», кто отважился на строительство принципиально нового типа науки в области психологического знания. Поэтому созданная Л.С. Выготским психология в наши дни справедливо именуется неклассической. Здесь, наверное, можно напомнить, что физика Г. Галилея, с которой началась классическая наука как таковая, в свое время тоже была неклассической по отношению к общепризнанной тогда физике Аристотеля. А вот исследования А.Р. Лурия и А.Н. Леонтьева полностью лежат в добротном русле традиционной науки, которую Л.С. Выготский называл старой психологией. Следует заметить, что старая психология никуда не делась после работ Л.С. Выготского и, более того, можно сказать, что вся современная психология, как отечественная, так и зарубежная, за очень малым исключением, является той самой традиционной наукой классического образца, к преодолению которой призывал Л.С. Выготский. «Только решительный выход за методологические пределы традиционной детской психологии может привести нас к исследованию развития того самого высшего психического синтеза, который с полным основанием должен быть назван личностью ребенка» [2, с. 41]. Понятие личности оказалось камнем преткновения для традиционной научной психологии и той «лакмусовой бумажкой», которая позволяет отличить старую

психологию от новой, неклассической науки о человеке. Здесь во весь рост встает проблема определения понятия личности, пусть очень абстрактного и предварительного, но верного в своей сути.

А.Н. Леонтьев придерживался позиции, согласно которой нельзя сразу приступить к созданию теории личности, поскольку на первых исследовательских шагах в этом направлении у нас нет необходимого понятийного аппарата, разработка которого является прерогативой общей психологии. С этой позиции психология личности – купол, венчающий здание общей психологии. Соответственно, вначале должно быть построено здание общей психологии и только потом на нем, как на основании, может быть возведен купол. С нашей точки зрения, подобная методологическая установка чревата неизбежными ошибками и заблуждениями. Своеобразным подтверждением сказанному может быть то положение дел, которое сложилось в современной психологии личности. В настоящее время существует великое множество определений понятия личности, за каждым из которых стоит соответствующая теория. По нашему мнению, все эти теории доброго слова не стоят, а многие определения понятия личности являются такими суррогатами, которые фиксируют нечто прямо противоположное тому, что есть личность. Например, так называемые ролевые теории личности» А.Н. Леонтьев справедливо называл чудовищными, однако сам создал деятельностьную теорию личности, которая, на наш взгляд, ничуть не лучше ролевых теорий. Причина того фиаско, которое потерпели создатели научных теорий личности, напрямую связана с ошибочной методологической установкой, согласно которой общепсихологическая теория логически и во времени предшествует сущностному определению понятия личности и созданию соответствующей теории личности.

В методологическом исследовании «Исторический смысл психологического кризиса» Л.С. Выготский [1] указал на главный изъян научных теорий в психологии – это произвольное и ничем не обоснованное постулирование того или иного понятия в статусе объяснительного принципа теории. По мысли Л.С. Выготского, объяснительный принцип теории должен доказать свое «королевское происхождение», т.е. должен быть проанализирован и обоснован, в том числе на философском уровне. Философская рефлексия является обязательным моментом психологического исследования, особенно на его первых шагах, т.е. на этапе закладки фундамента научной теории. Если этого нет, то мы закономерно получим множество подходов, научных школ и теорий, судьба которых будет печальной. Ложный объяснительный принцип, разросшийся до всеобъясняющего понятия, лопается как мыльный пузырь, поскольку в таком качестве он перестает что-либо объяснять. «В сумерках гештальта, – писал Л.С. Выготский, – все кошки серы». Думается, что сумерки деятельностного подхода в этом плане ничем не лучше.

Таким образом, многочисленность ныне существующих определений и теорий личности является следствием многочисленности всевозможных подходов и общепсихологических теорий, каждая из которых имеет свой объяснительный принцип, взятый на вооружение, как правило, без какого-либо критического рассмотрения и должного обоснования. Исправить положение дел в современной психологии можно единственным способом, а именно сделать то, к чему устремлено строительство общепсихологической теории, исходным пунктом аналитического движения. Иными словами, теория личности, завершающая создание общей психологии как единой теории, должна присутствовать на самом первом, исходном этапе этого строительства и не теряться на всех последующих стадиях исследовательской работы. Естественно, что на исходном пункте теория может быть только в виде некоторого

фундаментального понятия, в определении которого содержатся сущностные характеристики предмета изучения. В поисках такого определения мы попытаемся идти вслед за Л.С. Выготским.

Как известно, Л.С. Выготский позиционировал себя как марксиста и видел свою задачу в том, чтобы, следуя Марксу, написать в психологии свой «Капитал». Правда, в советские времена все жители нашей страны были марксистами, так сказать, «от рождения». Это не мешало даже искренним марксистам исповедовать самые различные философские и мировоззренческие учения, чуть прикрываясь, для приличия, марксистской фразеологией. Каждый мог найти в трудах классиков подходящую цитату и двигаться в нужную ему сторону. Тем не менее, марксизм – это очень серьезная и глубокая философия, не утратившая своего значения и актуальности, несмотря на жесткую и нередко справедливую критику, обрушившуюся на нее в последние десятилетия. Однако понять философию и метод Маркса совсем непросто, о чем и писал В.И. Ленин, отмечавший, что для этого нужно проштудировать всю «Науку логики» Гегеля, а чтобы понять Гегеля, нужно знать всю немецкую классическую философию начиная с Канта и т.д. Л.С. Выготский писал: «Мы не должны быть Иванами, не помнящими родства», т.е. все мы стоим на чьих-то плечах и не должны забывать, кому мы обязаны своей способностью мышления. В этом смысле можно сказать, что К. Маркс стоял на плечах Г.В.Ф. Гегеля. Труды Гегеля общепризнанно считаются вершиной немецкой классической философии, однако интересующей нас проблеме личности и человеческой субъективности у него отведено очень незначительное место, за что Гегель и подвергался справедливой критике, например, в работах В. Соловьева. У Гегеля человек – это только средство самопознания Абсолютного Духа. К. Маркс сумел осуществить прорыв за пределы замкнутой на себя системы объективного идеализма, а также преодолел ограничения, свойственные натуралистическим

трактовок сущности человека. Он утвердил эквивалентность индивида и рода и, тем самым, философски обосновал абсолютную самоценность человеческого индивида, универсальность и потенциальную неограниченность человека. Маркс не пользовался словом «личность», но он употреблял словосочетание «свободная индивидуальность», которое, на наш взгляд, как раз и есть искомое определение понятия личности, конечно же, очень абстрактное, но предельно емкое и точное. В этом случае становление личности – это обретение человеком внутренней свободы, совпадающее с раскрытием и осуществлением индивидуальности человека.

В «Записных книжках» Л.С. Выготского есть слова о том, что высшей проблемой психологической науки является проблема человеческой свободы. Однако к изучению свободы в принципе не подступиться с методами классического естествознания, поскольку традиционная наука насквозь детерминистична – все имеет свою причину. Каузальный детерминизм – это предпосылочное допущение аксиоматического свойства, отличающее естествоиспытательный подход, а там, где царствует детерминизм, описываемый в логике обоснования через иное, там нет места для свободы.

В психологии свободным считается действие, которое подконтрольно сознанию, т.е. является произвольным, сознательно управляемым действием. Уже из этого общепризнанного положения следует тесная связь проблемы свободы с проблемой сознания и проблемой произвольности и становится понятным, почему этим проблемам Л.С. Выготский придавал исключительное значение. Сознание он считал предметом психологической науки, а в произвольности видел существеннейшее свойство волевых актов. Поэтому, согласно Л.С. Выготскому, без автономной теории воли, которая исходит из факта существования воли как особой психической функции, невозможно создание теории личности.

Личность существует только в движении развития. Человек, переставший развиваться, теряет себя как личность. Развитие, по общему признанию, это высшая форма движения, качественно отличная от эволюции, роста, созревания, прогрессивных изменений и т.п. Развитие, отмечал Л.С. Выготский, всегда есть саморазвитие, т.е. внутренне обусловленное движение. Это означает, что причина и движущий импульс развития лежит в самом этом процессе. В отличие от всех других видов и форм движения развитие в обязательном порядке предполагает личное усилие, тогда как другие виды движения могут происходить в силу естественных причин и механизмов. Движение, причина которого лежит в нем самом («*causa sui*»), согласно Б. Спинозе, является свободным. С этих позиций становится понятно, что путь к научному изучению человеческой свободы лежит через те «ворота», которые обозначены философской категорией развития. Точно так же понятно, почему эта философская категория в концепции Л.С. Выготского трансформировалась в конкретное психологическое понятие, ставшее краеугольным камнем этой теории. Следует заметить, что широко употребляемое в обыденной речи слово «развитие» имеет очень мало общего с этой философской категорией и ее соответствующей конкретизацией в фундаментальном понятии психологической науки.

Краеугольным камнем, т.е. объяснительным понятием теории в деятельностном подходе является, как известно, понятие деятельности. Конституирующее значение для этого подхода имеет субъект-объектное отношение. Это предельно общее гносеологическое отношение в деятельностном подходе онтологизировано, т.е. приписано сфере бытия. Деятельность, в первом приближении, можно определить как звено, опосредствующее это отношение, а вернее, как уточняет А.Н. Леонтьев, субъект и объект являются противоположными полюсами деятельности.

Уже на этом, самом первом шаге исследовательского движения, с нашей точки зрения, допущена роковая методологическая ошибка. Любое гносеологическое понятие – это всегда искусственный конструкт, созданный исследователем. Например, все исходные идеализации той или иной теории являются чистой воды конструктами, входящими в состав предмета изучения, однако они никак не могут быть объектом исследования. Например, в физике такими идеализациями являются понятия материальной точки, абсолютно твердого тела, изоморфного пространства, идеального газа и т.п. Без таких понятий исследователь безоружен и никакие научные изыскания просто невозможны. Однако сами по себе эти гносеологические средства не могут быть объектом научного познания, разве что только в таких мета-научных областях, как методология науки, гносеология и т.п. Отсюда следует неукоснительное требование различения и несмешения гносеологического и онтологического уровней и понятий. Если этого нет, то, например, в детской психологии мы будем иметь дело не с реальным, живым ребенком, а с теоретическим чучелом ребенка.

Вышеуказанный «первородный грех» деятельностного подхода в виде отождествления гносеологического и онтологического уровней закономерно тянет за собой и другие методологические ошибки. Так, например, А.Н. Леонтьев критикует Л.С. Выготского за его исключительное внимание к проблеме сознания и указывает, что нельзя изучать сознание исходя из самого сознания. Для изучения сознания, по его мнению, нужно выйти в более широкий контекст, который задает и обеспечивает понятие деятельности. Соответственно, в своих работах А.Н. Леонтьев пытался вывести сознание из того, что заведомо сознанием не является. В этом он верен формальной логике и ее законам, доставшимся нам от Аристотеля. Эти законы соблюдает и традиционная классическая наука. Логика обоснования через иное в

положительных науках естествоиспытательного свойства проявляется в безраздельном господстве в этих науках каузального детерминизма. Определение понятий в формальной логике выглядит как подведение определяемого под более широкое понятие, с последующим отсечением всего лишнего. А.Н. Леонтьев подводит понятие сознания под более широкое, по его мнению, понятие деятельности, с тем, чтобы в обратном движении вывести из деятельности сознание. Однако в деятельности как таковой в ее «чистом» виде по определению нет никаких признаков сознания, а из ничего никогда не появится нечто.

Из деятельности, как объяснительного принципа созданной А.Н. Леонтьевым теории, он выводит практически все, чем интересуется психологическая наука, в том числе и «тот высший психический синтез, который по праву зовется личностью ребенка» [2, с. 41]. Наделив мотивы функциями побуждения деятельности и смыслообразования, он получает возможность объявить мотивационно-потребностную сферу психики сущностным ядром личности. Однако с понятием мотива все очень непросто в психологии. Достаточно сказать, что даже такой сторонник мотивационно-потребностной теории личности, как Л.И. Божович, была не согласна с определением А.Н. Леонтьевым мотива как предмета деятельности или как опредмеченной потребности. Мотив, являющийся одним из фундаментальных понятий в психологии, на самом деле только создает видимость объяснения по отношению к поведению и деятельности человека. Чтобы стать объясняющим понятием, он сам должен быть подвергнут углубленному анализу и объяснению. Не углубляясь в эту проблему, отметим только, что, с нашей точки зрения, главные функции мотивов – побуждения и смыслообразования не принадлежат мотивам в силу их сути и природы, а делегированы им волей. Воля – это высший инструмент сознания, без которого невозможны ни свободное

действие, ни произвольность как таковая. Самое общее наше возражение против мотивационно-потребностных теорий личности можно выразить словами К. Маркса, отмечавшего, что там, где человек движим своими потребностями, он раб своих потребностей.

В научном познании сложное и непонятное целое обычно сводится к чему-то простому и, вроде бы, понятному. Такое сведение сложного к элементарному принято называть редукционизмом. В науке редукционизм неизбежен. В естественных науках сложнейшие теории сводятся к относительно простым, фундаментальным законам. В психологических теориях, как отмечал Л.С. Выготский, роль такого основания и объяснительного принципа теории выполняет соответствующее фундаментальное понятие. Однако кроме неизбежного научного редукционизма в психологии существует много разновидностей такого редукционизма, которого как раз следовало бы избежать, о чем писал в своих работах В.П. Зинченко. Такой ошибочный и ущербный редукционизм отличается тем, что при сведении сложного целого к чему-то элементарному и простому теряются, причем безвозвратно, существенные свойства того целого, которое претендует объяснять такая редукционистская теория.

В деятельностном подходе А.Н. Леонтьева подобный редукционизм распространился на все фундаментальные понятия психологической науки – сознание, личность, развитие, волю и произвольность и др. Однако сознание невозможно вывести из предметной деятельности уже потому, что оно является предпосылкой и основанием самой возможности разумной и целесообразной деятельности, т.е. логически предшествует ей. Так, в теории А.Н. Леонтьева «единицей» деятельности является предметное действие, а «единицей» сознания он, вслед за Л.С. Выготским, считает смысл. Смысл действия у А.Н. Леонтьева порождается отношением цели действия к мотиву той

деятельности, которая осуществляется этим действием. Но ведь цель действия, по утверждению самого А.Н. Леонтьева, всегда осознается, т.е. сознание уже содержится в том отношении цели к мотиву, из которого он выводит смысл действия как «единицу» сознания. Налицо порочный логический круг – то, что выводится и определяется, уже присутствует в используемом для этого понятии цели. Точно так же не все благополучно и с понятием мотива, которому в теории деятельности приписана функция смыслообразования. Мотив, согласно А.Н. Леонтьеву, это предмет деятельности или опредмеченная потребность. Соответственно, мотив – это всегда нечто единичное, даже если это некий предмет представления. Поэтому отношение цели к мотиву – это отношение единичного к единичному, результатом которого может быть также только нечто единичное, а значит, абстрактное. Абстрактно, по Гегелю, все, что существует отдельно от того целого, которому оно принадлежит. Но ведь сама суть понятия смысла в том, что смысл всегда конкретен. Именно так подходил к изучению этого фундаментального понятия психологии Л.С. Выготский.

Если в теории А.Н. Леонтьева понятие смысла увязано с «единицей» деятельности – предметным действием, то в концепции Л.С. Выготского проблема смысла связана с главным средством человеческого общения – словом. Эту проблему Л.С. Выготский ставит как проблему соотношения смысла и значения. Отдельно взятое, а, значит, абстрактное слово обладает значением, с которым можно ознакомиться в толковом словаре. Слово приобретает смысл внутри того целого, в которое оно включено как его составная часть, – внутри предложения, абзаца, главы книги и, в пределе, в личности автора произведения. А.Н. Леонтьев назвал это решение поставленной Л.С. Выготским проблемы величайшим недоразумением в психологии, проистекающим из филологии. По А.Н. Леонтьеву, первоначально индивид просто усваивает значения, которые существуют объективно, а затем, в

результате накопления жизненного опыта, усложнения и обогащения мотивационно-потребностной сферы личности, эти значения приобретают смысл, в том числе личностный смысл. У Л.С. Выготского диаметрально противоположное решение этого вопроса – смысл первичен по отношению к значениям. В подтверждение сказанного можно сослаться на статью Л.С. Выготского «Ранний возраст» (1984), где он детально анализирует феномен автономной речи и приходит к заключению, что этот своеобразный период детского онтогенеза является обязательным для всех детей, несмотря на большие индивидуальные различия в длительности и выраженности этого периода автономной речи. Изобретенные самим ребенком слова еще не имеют общепринятого лексического значения и нормативного произношения, но они обладают смыслом, понятным самому ребенку и общающимся с ним близким взрослым. Можно сказать, что ребенок овладевает родной речью путем ее изобретения, причем начинает он со смысла употребляемых им словесных конструкций, а общепринятые лексические значения он открывает для себя по ходу своего развития вместе с развитием способности правильно произносить слова. С этих позиций слова А.Н. Леонтьева о «величайшем недоразумении в психологии» можно обернуть к предложенному им решению проблемы соотношения смысла и значения, поскольку оно теоретически несостоятельно и противоречит фактам детского развития.

Л.С. Выготский не оставил нам исчерпывающего определения понятия личности. Однако в разных его работах есть очень точные указания и положения, позволяющие составить представление о том, что Л.С. Выготский понимал под личностью. Так, в «Педологии подростка» он пишет: «То же, что принято обычно называть личностью, является не чем иным, как самосознанием человека, возникающим именно в эту пору: новое поведение человека становится поведением для себя, человек сам осознает себя как известное

единство. Это конечный результат и центральная точка всего переходного возраста» [3, с. 227]. Тем самым Л.С. Выготский напрямую связывает понятие личности с развитием сознания и самосознания человека. В следующем абзаце он указывает на такую особенность понятия личности, которая говорит о внутренней свободе и внутренней обусловленности действий и поступков личности. «Там, где мы чувствуем себя источником движения, мы приписываем личный характер своим поступкам, но именно на эту ступень овладения своими внутренними операциями поднимается подросток» [Там же].

Таким образом, развитие личности у Л.С. Выготского сопряжено с развитием сознания и самосознания человека. Качественно иное понимание личности имеет место в теории А.Н. Леонтьева. Ядром личности в этой концепции объявлена мотивационно-потребностная сфера. Соответственно, развитие личности предстает как усложнение, обогащение и установление иерархических соподчинений в системе отношений между мотивами. Первая точка рождения личности, согласно А.Н. Леонтьеву, приходится на конец дошкольного периода и знаменуется завязыванием первого «узелка» в соподчинении деятельностей, т.е. установлением иерархии мотивов. Внешне это обнаруживается в появлении нового, более высокого уровня произвольности поведения. Мотивы, по А.Н. Леонтьеву, как правило, не осознаются, а потребности, как таковые, в принципе не осознаются. Чтобы опредмеченная потребность, ставшая в этом качестве мотивом, была осознана, человек должен предпринять психологический анализ, направленный на решение задачи выявления смысла осуществляемых им действий. С этих позиций движущие силы нашего поведения в обыденной жизни остаются скрытыми от нас.

В свете сказанного деятельностная теория личности мотивационно-потребностного толка может быть безоговорочно отнесена к глубинной

психологии и, соответственно, полностью подпадает под критику, высказывавшуюся в разное время в адрес глубинных теорий, прообразом которых является психоаналитическая концепция З. Фрейда. Л.С. Выготский очень высоко ценил научные заслуги З. Фрейда, справедливо сравнивая его открытия с научным подвигом Г. Галилея. Фрейд, по словам Л.С. Выготского, открыл нам глаза на бессознательное, однако нам нужна не только «глубинная», но и «вершинная» психология, т.е. психология сознания и закономерностей его развития, которой как раз и занимался Л.С. Выготский, не теряя при этом из виду непреходящих достижений психоаналитического подхода. Там же, где психоаналитические построения и трактовки были явно ошибочными, они подвергались заслуженной критике. Например, Л.С. Выготский с едкой иронией отнесся к идее пансексуальности, примененной ко всем периодам детского онтогенеза, включая младенчество, в периодизации развития, предложенной З. Фрейдом.

В статье «К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте» Д.Б. Эльконин [6, с. 9] отмечает: «До настоящего времени существенным недостатком рассмотрения психического развития ребенка является разрыв между процессами умственного развития и развития личности. Развитие личности без достаточных оснований сводится при этом к развитию аффективно-потребностной или мотивационно-потребностной сферы.

Еще в тридцатые годы Л.С. Выготский указывал на необходимость рассмотрения развития аффекта и интеллекта в динамическом единстве. Но до сих пор развитие познавательных сил ребенка и развитие аффективно-потребностной сферы рассматриваются как процессы, имеющие свои независимые, взаимно не пересекающиеся линии».

Выдвинутый Л.С. Выготским принцип единства аффекта и интеллекта означает всеми признаваемый, во всяком случае, на словах, принцип

целостности личности. Все глубинные теории личности являются прямым нарушением данного принципа, а это чревато тем, что под личностью неизбежно понимается нечто ущербное и далекое от того, что есть личность на самом деле. Принцип целостности распространяется не только на личность, но и на способ существования личности, в качестве которого выступает высшая форма движения – развитие. Можно сказать, что человек, стремящийся сохранить и утвердить себя как личность, пожизненно приговорен к развитию. Остановка в развитии тут же оборачивается откатом назад и деградацией личностного бытия и сознания человека. Только в движении развития человек обретает свободу и утверждает себя как «свободную индивидуальность». Однако развитие невозможно понять в логике обоснования через иное, которую неукоснительно соблюдает традиционная наука. Развитие, как отмечал Л.С. Выготский, всегда есть саморазвитие, а значит, внутренне обусловленное движение, непостижимое для классической науки и предполагающее «решительный выход за методологические пределы традиционной детской психологии» [2, с. 41].

Подводя некоторый итог, можно сказать, что такие фундаментальные понятия психологии, как сознание, личность, развитие, принципиально недоступны для понятийного осмысления и научного изучения во всех ныне существующих подходах и научных школах, кроме культурно-исторического подхода, по той простой причине, что только психология Выготского является неклассической наукой, в которой предложен качественно новый метод научного познания, адекватный задаче постижения вышеуказанных фундаментальных понятий психологии. Доминировавший на протяжении десятилетий в отечественной психологии деятельностный подход должен существенно видоизмениться, если внутри него есть интенция к сохранению и возможному приумножению тех достижений, которые накоплены

проводившимися в его рамках исследованиями. В этом плане представляют большой интерес мысли Э.Г. Юдина [7], который на основании проведенного им методологического анализа деятельностного подхода пришел к заключению о необходимости отказа от понятия деятельности в статусе объяснительного принципа теории и к возвращению к деятельности как предмету психологического исследования, каковым она изначально и была в харьковской группе исследователей, входивших в научную школу Л.С. Выготского. С нашей точки зрения, культурно-историческая теория является принципиально открытой системой знания, способной органично впитать в себя открытия и достижения даже изначально чуждых ей теорий и подходов, переосмыслив их в свете собственных принципов и методологических установок.

Список литературы:

1. Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса // Собр. соч. в 6-ти т. Т. 1. М. : Педагогика, 1982. 488 с.
2. Выготский Л.С. История развития высших психических функций // Собр. соч. в 6-ти т. Т. 3. М. : Педагогика, 1983. 368 с.
3. Выготский Л.С. Педология подростка // Собр. соч. в 6-ти т. Т. 4. М. : Педагогика, 1984. 432 с.
4. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М. : Смысл ; Изд. центр «Академия», 2004. 352 с.
5. Леонтьев А.Н. Избранные психологические исследования : в 2-х т. Т. 2. М. : Педагогика, 1983. 320 с.
6. Эльконин Д.Б. К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте // Вопросы психологии. 1971. № 4. С. 6–20.
7. Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности. М. : Наука, 1978. 391 с.

References

1. Vygotskiy L.S. Istoricheskiy smysl psikhologicheskogo krizisa // Sobr. soch. v 6-ti t. T. 1. M. : Pedagogika, 1982. 488 s.
2. Vygotskiy L.S. Istoriya razvitiya vysshikh psikhicheskikh funktsiy // Sobr. soch. v 6-ti t. T. 3. M. : Pedagogika, 1983. 368 s.
3. Vygotskiy L.S. Pedologiya podrostka // Sobr. soch. v 6-ti t. T. 4. M. : Pedagogika, 1984. 432 s.
4. Leont'yev A.N. Deyatel'nost'. Soznaniye. Lichnost'. M. : Smysl ; Izd. tsentr «Akademiya», 2004. 352 s.
5. Leont'yev A.N. Izbrannyye psikhologicheskiye issledovaniya : V 2-kh t. T. 2. M. : Pedagogika, 1983. 320 s.
6. El'konin D.B. K probleme periodizatsii psikhicheskogo razvitiya v detskom vozraste // Voprosy psikhologii. 1971. № 4. S. 6–20.
7. Yudin E.G. Sistemnyy podkhod i printsip deyatelnosti. M. : Nauka, 1978. 391 s.